

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chemchieva@gmail.com

Институт алтайского рода: итоги трансформации

Статья раскрывает главные линии развития института алтайского рода в период с середины XIX в. до настоящего времени. Качественные изменения института алтайского рода рассматриваются в контексте трех исторических периодов: досоветского, советского и постсоветского. На основе этнографических материалов проведен анализ исходного состояния института алтайского рода накануне его трансформационных перемен. Выявлено, что основными признаками алтайского рода являются: общий предок-родоначальник, патрилинейность, дислокальность, экзогамия, наличие культа и ощущение взаимопринадлежности. Установлено, что институт алтайского рода осуществлял несколько важных функций: административно-организационную, управленческую, регуляции семейно-брачных отношений, сохранения родового культа. Указывается, что со второй половины XIX в. устои алтайского рода стали расширяться. Постепенная интеграция коренного населения в систему общероссийских отношений оказала на функционирование института разрушающее воздействие. Значительную роль в отходе части коренного населения от родового быта и родовых представлений сыграл процесс обращения коренного населения в православие. Важным фактором, дестабилизировавшим функционирование алтайского рода, стало упразднение родового принципа в административном устройстве коренного населения. Восприятие в советский период алтайского рода как «пережитка» способствовало его дальнейшей деформации. Коренные изменения, произошедшие в Горном Алтае, привели к преобразованию института алтайского рода и исчезновению некоторых его социальных функций. В постсоветский период институт алтайского рода получил общественное признание. Материалы приведенных эмпирических исследований свидетельствуют, что основная масса коренного населения Горного Алтая сохраняет свою родовую идентичность. Главной функцией алтайского рода в наши дни является регулирование семейно-брачных отношений. В работе делается вывод, что институт алтайского рода проявил большую устойчивость к внешним воздействиям и сумел приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

Ключевые слова: институт алтайского рода, трансформация, коренное население, северные алтайцы, южные алтайцы, Горный Алтай.

Arzhana P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chemchieva@gmail.com

The Altai System of Clans: The Outcomes of Its Transformation

This article describes the main development patterns in the Altai system of clans starting from the mid 19th century until the present time. The transformations of the Altai clans are explored in three historical periods: pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet. On the basis of ethnographic evidence, the initial state of the Altai clan system before its transformation has been analyzed. It has been shown that the Altai clan system manifests the following features: existence of the same ancestor, patrilineage, dislocality of exogamy, presence of a cult, and feeling of belonging to the clan. It has been established that the Altai clan system used to fulfill the following important functions: regulation of familial and marital relations, preservation of family cults, as well as administrative and organizational functions. In the late 19th century, the principles behind the existence of the Altai clans started to disintegrate. Gradual integration of the indigenous population into the system of general Russian relations made a destructive impact on the clan systems. The conversion of the indigenous Altaians to Orthodox Christianity also played an important role in their partial departure from clan-oriented concepts and lifestyle. The abolition of clan-oriented principles in the indigenous administrative system

also contributed to destabilization of the Altai clan system. Since the Altai clans were viewed as “archaic” during the Soviet period, their further deformation occurred. Such fundamental changes in the Republic of Altai have resulted in transformation of the Altai clan system and disappearance of some of its social functions. In the post-Soviet period, the clan system gained social recognition. Empirical research has revealed that the majority of the indigenous Altaians continue to sustain their clan identities. Nowadays, the main function of the clan system is regulation of familial and marital relations. It has been concluded that the clan system appears to be able to resist the external influences and adapt to the changing environment.

Keywords: *Altai clan system, transformation, indigenous people, Northern Altaians, Southern Altaians.*

На протяжении ряда веков одним из фундаментальных институтов общественной организации коренного населения Горного Алтая являлся род – сеок (алт. *cöök* – кость). В течение последних двух столетий институт алтайского рода испытал значительную трансформацию. В данной статье предпринята попытка проанализировать и обобщить лишь некоторые главнейшие линии развития института алтайского рода в период с середины XIX в. до настоящего времени. В соответствии с этой целью в статье сформулированы следующие задачи: рассмотреть, как в указанный период развивался институт алтайского рода, как изменялись его социальные функции; охарактеризовать современное состояние института алтайского рода.

Важную информацию о родовом составе коренного населения Горного Алтая в середине XIX в. дают работы В.И. Вербицкого и В.В. Радлова. Миссионер протоиерей В.И. Вербицкий долгое время жил среди алтайцев и владел алтайским языком. В одной из своих этнографических работ, вошедших в изданный посмертно сборник «Алтайские инородцы» (1893 г.), В.И. Вербицкий указывал, что алтайские инородцы разделяются на множество родов-сеоков: «Алтайские инородцы, кроме официального разделения по дючинам и волостям, разделяют себя еще на множество родов, или поколений (сеок – кость). Происхождение сеоков различно. Одни имеют родоначальниками людей, другие происходят от гор... Сеоки Ойротов, сохраняющиеся свято в памяти народа, разбросаны на большие пространства...» [1993, с. 22].

В работе выдающегося ученого-востоковеда В.В. Радлова «Aus Sibirien» («Из Сибири»), вышедшей в 1884 г., также отмечается, что коренное население Алтая разделяется на рода. В.В. Радлов описывал рода южных алтайцев так: «...Алтайцы распадаются на 24 рода (*cöök* – «кость»), в которых отчетливо сохранилось ощущение взаимопринадлежности, несмотря на то, что живут они некомпактно и вперемешку. Так, например, члены одного рода не вступают между собой в брак. Они называют себя родовыми братьями (*söktüng* карындашы). У каждого рода есть свой дух-охранитель и имеются свои особые форму-

лы обращения к нему и свои церемонии шаманского камлания» [1989, с. 128–129]. Кроме того, В.В. Радлов отметил родовой принцип административного устройства коренного населения, при котором во главе «зайсанств» стояли зайсаны – выходцы из старинных княжеских и байских родов, передававшие свои должности по наследству. Ученый указывал, что зайсаны были облечены обязанностью собирать калан (ясачную дань), а также осуществляли судебную и полицейскую власть [Там же, с. 123–126].

Обратим внимание, что В.И. Вербицкий и В.В. Радлов одними из первых отождествили алтайский сеок с родом. Основными характеристиками сеока они назвали такие признаки, как наличие общего предка-родоначальника, патрилинейность, дислокальность, экзогамию, наличие культа и ощущение взаимопринадлежности. Исходя из приведенных этнографических данных можно заключить, что в середине XIX в. алтайский сеок выполнял различные функции, наиболее важными из которых являлись: административно-организационная, управленческая, регуляции семейно-брачных отношений, сохранения родового культа.

Между тем уже во второй половине XIX в. устои алтайского рода стали расшатываться. Прежде всего родовой быт, родовые представления подверглись изменениям в среде северных алтайцев, которые вошли в соприкосновение с русскими людьми и русской культурой раньше (XVII в.), чем южные алтайцы (XVIII в.). Северные алтайцы первыми оказались в сфере влияния Русской церкви и стали обращаться в православие (особенно активно в XIX в.). Смена вероисповедания неизбежно приводила к коренным переменам в жизни неофитов. Новообращенным воспрещалось оставаться среди своих некрещеных сородичей, они выводились из-под родового управления и переселялись в миссионерские селения.

Тем не менее, по свидетельству современников, алтайский род проявлял большую устойчивость к внешним воздействиям. Так, С.П. Швецов, руководивший в 1897 г. проведением в Горном Алтае переписи населения и внимательно изучавший родовое устройство алтайцев (им было учтено

68 сеоков), отмечал, что даже крещеные алтайцы сохраняли идентификацию со своим родом: «Даже алтайцы (калмыки), принявшие христианство и таким образом всецело подпавшие влиянию русской культуры, продолжают придерживаться той же системы родства и только во втором–третьем поколении оставляют ее и переходят к новым воззрениям на родство. Мне приходилось встречать потомков, когда-то перешедших в православие, не только утративших родную речь, одежду, но даже национальный тип, и в то же время еще сохранивших воспоминание о своей принадлежности к определенной кости, с другими представителями которой браки считают если не греховными, то предосудительными» [1898, с. 4].

На рубеже XIX–XX вв. институт алтайского сеока лишился административно-организационной и управленческой функций. Это случилось вследствие того, что российские власти предприняли меры по ликвидации родового принципа в административном устройстве коренного населения. Вначале, в 1880 г., был упразднен наследственный принцип передачи зайсанства – должность зайсана стала выборной [Кыдыева, 2008, с. 34]. Впоследствии, в 1911–1913 гг., в ходе проведения землеустроительной реформы, коренное население Алтая было административно поделено исключительно по территориальному принципу.

В разные периоды советского времени значимость института сеока, родовая идентификация имели свои особенности. В первые послереволюционные годы институт сеока продолжал влиять на жизнедеятельность коренного населения. На это в 1926 г. указывала Н.П. Дыренкова: «Турецкие племена Алтая, алтайцы и телеуты... живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии. Каждый род, называемый сѳѳк..., хорошо помнит свою генеалогию... Каждый род внутри себя экзогамен» [1926, с. 247, 253]. Северные алтайцы также продолжали придерживаться в кругу семьи родовых норм. В частности, по данным Ф.А. Сатлаева, кумандинцы сохраняли родовую экзогамию вплоть до 1920-х гг.: мужчины не могли брать себе жен из своего рода [1974, с. 108].

В 1930-е гг. институт алтайского рода был объявлен советской властью «пережитком», тормозящим процесс социалистических преобразований. В работе С.А. Токарева об этом говорилось так: «...Родовые отношения уже очень давно потеряли свою первоначальную природу и превратились в форму феодальных по существу отношений. Родовая оболочка прикрывала и маскировала классовую эксплуатацию, одновременно служа ее орудием» [1936, с. 138–139]. Выдвинутый партийным

руководством лозунг борьбы с «родовыми пережитками» способствовал деформации и постепенному разрушению алтайского сеока. Так, именно в эти годы алтайский сеок утратил свою функциональную значимость в религиозной сфере в связи с преследованием традиционной религии и деятельности шаманов.

В середине XX в. алтайский род продолжал рассматриваться учеными в качестве пережитка. Л.П. Потапов писал: «Сохранение родовых традиций весьма тормозило общественное развитие алтайцев. Быстрое разрушение этих традиций и освобождение личности, особенно женщины, из патриархальных родовых пут принадлежат социалистическому строю» [1953, с. 422].

Тем не менее в советский период алтайский сеок функционировал. На это в своих работах указывали сами этнографы. Так, в работе Л.П. Потапова находим: «Потеряли практическое значение и встречаются только в виде пережитков такие родовые признаки, как экзогамия (запрет браков между лицами, принадлежащими к одному сеоку или роду), родовое имя, обозначающее принадлежность к определенному сеоку (роду)» [Там же]. В работе Е.М. Тошачевой отмечалось следующее: «Констатируя новые положительные черты в семейных отношениях, приходится отметить, что в быту алтайцев до сих пор живут патриархально-родовые пережитки, отрицательно влияющие на формирование новой семьи. Сохранилось, например, сознание принадлежности к той или иной родовой группе: мундус, тодош, алмат, чапты и т.д., которое родители внушают детям с малых лет. Как уже говорилось, совершенно безосновательно считается, что все принадлежащие к данной родовой группе (сеоку) являются кровными родственниками и браки между ними недопустимы (экзогамия). Известны случаи, когда по этой причине не состоялись браки любящих друг друга девушки и юноши, что тяжело отразилось на всей их дальнейшей жизни. Живучесть подобных пережитков объясняется в значительной мере тем, что партийные, советские, общественные организации ослабили в последнее время борьбу с вредными традициями» [1973, с. 48–49].

По приведенным из этнографических работ фрагментам видно, что, несмотря на разъяснительную работу советской власти, коренное население Горного Алтая продолжало сохранять традиции рода. При этом основной функцией алтайского сеока в советский период являлась регламентация семейно-брачных отношений. Такую оценку подтверждают и данные массового опроса, проведенного Н.И. Шагиновой в 1971 г. среди южных алтайцев. Опрос показал, что 98,5 % респондентов знали

свой род, а 78 % поддерживали соблюдение экзогамии [1981, с. 36]. К сожалению, подобных научных данных по северным алтайцам в советское время не было получено.

В постсоветский период под влиянием демократизации общества роль института сеока в Горном Алтае существенно возросла. В регионе стали проводиться праздники отдельных сеоков, создаваться родовые организации и избираться главы родов – зайсаны [Кыдыева, 2008, с. 80–81].

Результаты двух этносоциологических исследований, проведенных автором данной работы, подтверждают, что институт сеока остается социально значимым явлением в жизни коренного населения Горного Алтая. Однако его роль неодинакова в жизни северных и южных алтайцев.

Первое исследование было проведено в 2004 г. среди сельских представителей северных и южных алтайцев. Материалы обследования показали, что все представители южных алтайцев имели четкое представление о своем сеоке, а 81,9 % из них были против нарушения обычая родовой экзогамии. Среди северных алтайцев свой сеок смогли назвать только 72 % респондентов (88 % челканцев, 76,3 % тубаларов и 22,2 % кумандинцев). В ходе опроса было выявлено, что в среде северных алтайцев обычай родовой экзогамии стал забываться. Против нарушения данного обычая высказалось 54,4 % респондентов, 27,7 % опрошенных допускали брак внутри одного сеока и 18 % затруднились с ответом [Чемчиева, 2012, с. 163–164].

Второе исследование было проведено в августе 2016 г. среди городских представителей северных и южных алтайцев (опрос в г. Горно-Алтайске методом структурированного интервью, n = 369). Результаты обследования показали, что 98,7 % представителей южных алтайцев знали свой сеок, а 86,5 % не допускали заключения брака между представителями одного рода. В ходе данного опроса свой сеок смогли назвать только 70,5 % северных алтайцев (80,4 % челканцев, 82 % тубаларов и 50 % кумандинцев). При этом против нарушения родовой экзогамии высказалось 52,1 % респондентов, допускали нарушение обычая 32,2 % опрошенных, а с ответом затруднилось 15,8 % респондентов.

Приведенные эмпирические данные показывают, что в современных условиях часть коренного населения Горного Алтая утрачивает родовое самосознание. Прежде всего, этот процесс характерен для северных алтайцев, поскольку еще с досоветского времени их родовая структура подверглась большим изменениям за счет ассимиляции и межэтнического смешения.

В завершение статьи приведем мнение двух проинтервьюированных мною жительниц Горного

Алтая. Обе респондентки дали довольно содержательные ответы на вопрос о том, каким они видят будущее алтайского сеока: «Я думаю, что алтайцы должны продолжать придерживаться обычаев предков. Мы должны знать свой сеок. Я поддерживаю, что у нас в районе есть выбранные зайсаны. Однако мне кажется, что сейчас их работы особо не видно. Хотелось бы, чтобы зайсанами становились авторитетные люди, которые своей жизнью и делами были бы примером для всех. Еще я думаю, можно было бы наделить их правом разрешать какие-либо разногласия между людьми. Может быть, даже зайсан мог бы влиять на поведение молодежи, мирить супругов»; «Я вышла замуж за человека из другого сеока. Когда-то в молодости я думала, что этот обычай уже не нужен и его можно забыть. Даже сейчас, возможно, я согласилась бы на брак своего сына с девушкой из одного сеока. Но мой сын меня не поддержал бы точно. Он считает, что наш народ маленький, и поэтому наши предки были правы, что не женились на девушках из одного рода. Только так алтайцы могли сохранить генетическое здоровье народа. Думаю, мой сын прав» (ПМА, 2019).

Резюмируя сказанное, отметим, что в традиционном алтайском обществе каждый человек с юных лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности. Однако коренные изменения, произошедшие в Горном Алтае в течение последних двух столетий, до предела осложнили сохранение самобытной местной культуры. Тем не менее институт алтайского сеока оказался достаточно устойчивым и сумел приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Несмотря на то, что институт сеока со временем утратил некоторые функции, он все же не потерял свою значимость для коренного населения Горного Алтая.

Список литературы

- Вербицкий В.И.** Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: [Горно-Алт. тип.], 1993. – 270 с.
- Дыренкова Н.П.** Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л., 1926. – Вып. I. – С. 247–259.
- Кыдыева В.Я.** Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке. – Горно-Алтайск, 2008. – 136 с.
- Потапов Л.П.** Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Сатлаев Ф.А.** Кумандинцы: Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1974. – 200 с.

Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 156 с.

Тошчакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. – Новосибирск: Наука, 1973. – 58 с.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтнотипы в поисках идентичности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. – 184 с.

Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные и семейные отношения // Зап. Западно-Сибирского отделения Импер. рус. геогр. об-ва. – Омск, 1898. – Кн. 25. – 12 с.

References

Chemchieva A.P. Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 254 p. (in Russ.).

Dyrenkova N.P. Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnye normy u altaitsev i teleut. *Materialy po svad'be i semeino-rodovomu stroyu narodov SSSR*. Leningrad, 1926, iss. I, pp. 247–259 (in Russ.).

Kydyeva V.Ya. Pozemel'nye otnosheniya v Gornom Altae v XX veke. Gorno-Altaysk, 2008, 136 p. (in Russ.).

Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 444 p. (in Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Kumandinty: Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX veka. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1974, 200 p. (in Russ.).

Shatinova N.I. Sem'ya u altaitsev. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1981, 184 p. (in Russ.).

Shvetsov S.P. Obychno-pravovye vozzreniya altaitsev (kalmyk) i kirgiz. Brachnye i semeinye otnosheniya. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk, 1898, vol. 25, 12 p. (in Russ.).

Tokarev S.A. Dokapitalisticheskie perezhitki v Oirotii. Leningrad: Sotsekgiz, 1936, 156 p. (in Russ.).

Toshchakova E.M. Zhenshchina v obshchestve i sem'e u sovremennykh altaitsev. Novosibirsk: Nauka, 1973, 58 p. (in Russ.).

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaysk: [Gorno-Altayskaya tipografiya], 1993, 270 p. (in Russ.).

Чемчиева А.П. <https://orcid.org/0000-0003-3090-859x>